

Глава 35. Вражда

Для Ли Шэнъаня и Лу Чжаньлань наступили светлые, безмятежные дни.

Лу Чжаньбай перестал показываться в офисе, зато его сестра теперь прибегала туда при первой же возможности. Лю Хао, хоть и недолюбливал Чжаньбая, к Чжаньлань относился со всей душой — его приветливое «сестрица Чжаньлань» так и не смолкало. Он то и дело нашептывал влюбленным на ухо:

— В какие времена живем? Братец её, видишь ли, и кормит, и поит, и всем на свете заправляет. Но неужто он за неё еще и замуж решать будет?

Лю Хао подначивал их поторопиться, советуя поскорее сделать дело, а лучше — сразу завести ребенка. Интересно, мол, как тогда запоеет этот Лу Чжаньбай! От таких разговоров Чжаньлань то заливалась краской, то смущенно прятала взгляд, а Ли Шэнъань в шутку гонялся за шутником по всему офису, грозясь прибить на месте.

В свободные часы они гуляли по улицам, ходили в кино, заглядывали в океанариум или выбирались на пляж. Они были обычной парой — счастливой, нежной, упивающейся каждым мгновением вместе. Больше всего Чжаньлань любила таскать Шэнъаня в караоке. После того случая она буквально влюбилась в его голос и, казалось, готова была слушать в его исполнении все песни мира. На деле же Шэнъань знал от силы несколько мотивов, а к остальным не лежал слух, так что ему приходилось раз за разом петь одну и ту же «She is the one». Но Чжаньлань это не утомляло. Она смотрела на него завороченно, с неприкрытым восторгом, и Шэнъаню ничего не оставалось, кроме как с мягкой улыбкой затягивать куплеты снова и снова.

Но идиллия длилась недолго. В один из вечеров их застиг разъяренный Лу Чжаньбай, ворвавшись прямо в кабинку караоке.

С порога он с грохотом перевернул столик перед диваном и обрушился на Ли Шэнъаня с яростными криками:

— Ли Шэнъань! Ты, я гляжу, совсем страх потерял?! Мои слова для тебя — пустой звук? Ты меня за пустое место держишь?! Хочешь, я прямо сейчас прикажу стереть тебя в порошок? Ты сам напросился на смерть!

— Брат, что ты творишь?! — вскипела Чжаньлань, вскакивая с места и преграждая ему путь. — Мы давно не дети! Мы имеем право сами выбирать, кого любить. Мы с Шэнъанем искренне любим друг друга. Я выйду за него замуж и буду с ним всю жизнь!

— Заткнись! — рывкнул Чжаньбай. — «Искренне любят они!»! Ты забыла, что я тебе говорил? Он мой. Он будет со мной до конца своих дней, и никто нас не разлучит!

— Но Шэнъань тебя не любит! — закричала в ответ Чжаньлань. — Он мужчина, и любит он меня! Даже если бы вы испытывали что-то взаимное, вам никогда не быть вместе! Дедушка будет против, отец будет против, все восстанут против вас! В итоге ты просто потеряешь всё и останешься ни с чем!

— Пусть хоть весь мир катится к чертям, пусть это будет стоить мне жизни, но он останется моим! — не уступал Чжаньбай, багровея от ярости. — Всё, чего я хочу, будет моим. Даже если ради этого придется уничтожить весь мир!

— Ты сошел с ума! — кричала Чжаньлань. — Ты просто безумец! Я знаю, тебе пришлось несладко все эти годы, тебе отчаянно нужен тот, кто согрел бы тебя искренней любовью. Шэнъань — замечательный человек, но он не тот, кто тебе нужен! Тебе нужно начать жить нормальной жизнью, и ему тоже! Почему ты думаешь только о себе и никогда не считаешься с чужими чувствами?!

— Нормальной жизнью? — переспросил Чжаньбай, злобно усмехнувшись. — Да, конечно, ему нужна нормальная жизнь! Вот только знаешь ли ты, чего он хочет на самом деле? Думаешь, он действительно любит тебя? Ему нужно пробиться наверх, сделать карьеру, заявить о себе! Ты для него — лишь удобный трамплин, способ вскарабкаться повыше и ухватиться за богатство! И поверь, ему не впервой проворачивать такие трюки!

— Хватит! — оборвала его Чжаньлань. — Я знаю Шэнъаня лучше тебя! Не смей сеять между нами раздор! Даже если ему что-то и нужно, пока он любит меня, я отдам ему всё! Я готова ради него умереть!

— Ха-ха, — ядовито рассмеялся Чжаньбай. — Готова отдать всё? И что же у тебя есть, глупая девчонка? Думаешь, раз ты носишь фамилию Лу, то чего-то стоишь? Какой фарс! Всё наследство семьи Лу принадлежит мне, и всё, что принадлежит дедушке — тоже моё! Ты в этой семье — пустое место, лишний рот! С самого твоего рождения было ясно, что тебе ничего не светит. Тебя никто и никогда не любил! Отец не желал на тебя смотреть, дедушка презирал, да и меня от тебя всегда с души воротило! Ты жалкое ничтожество, у которого никогда ничего не было! И ты еще смеешь зариться на то, что принадлежит мне? Я ведь предупреждал: полезешь к моим вещам — убью. Завтра же убирайся обратно в Англию. И чтобы я о тебе больше не слышал, подыхай там хоть под забором! Семья Лу будет переводить тебе гроши на пропитание, пока не протянешь ноги!

— Ах ты мразь конченная! — взревел Ли Шэнъань.

Не помня себя от ярости, он замахнулся и с силой впечатал кулак прямо в челюсть Чжаньбая, сбив его с ног. Тот тяжело рухнул на пол.

Слезы брызнули из глаз Чжаньлань. Словно подкошенная, она упала на диван и замерла, оглушенная, не в силах пошевелиться от потрясения.

— Чжаньлань, Чжаньлань! — Ли Шэнъань крепко сжал её в объятиях, чувствуя, как его

собственные глаза застилают слезы жалости и злости.

Прошло немало времени, прежде чем Чжаньлань немного пришла в себя. Уставившись на распластавшегося на полу Чжаньбая, который даже не пытался подняться, она тихо заговорила:

— Ты прав. У меня ничего нет. Только сейчас я по-настоящему поняла, насколько я всем омерзительна. В детстве и отец, и дедушка души в тебе не чаяли. А во мне они видели лишь призрак мамы, напоминали себе о потере и отворачивались, не желая смотреть. Я помню, как отец кружил тебя на руках, а я стояла в стороне и умирала от зависти. Помню, как ты устраивался у дедушки на коленях и слушал его сказки — от этого у меня щемило сердце. Помню, как ты хвастался куклой, которую оставила тебе мама, а я исходила завистью. Всё, чего лишился ты, потеряла и я. Но то, что досталось тебе, обошло меня стороной. Вот она я — Лу Чжаньлань. Девочка без матери, которую колотил старший брат, презирал дед и которую собственный отец сослал в Англию на целых десять лет! У меня никогда ничего не было. Я просто жалкая побирушка. Но знаешь что? Ты гораздо жалче меня! У тебя было всё, но тебе вечно мало! Ты думаешь, что владеешь миром, но вокруг тебя пустота — ни друзей, ни тепла. И в этом виноват только ты сам! Ты слеп к окружающим, не замечаешь никого вокруг. Способен лишь опускаться на дно, обвинять всех в своих бедах и творить безумства! Ты — самый обыкновенный паразит. Самое жалкое существо на этом свете!

— Чжаньлань, милая, — Ли Шэнъань крепко прижал к себе рыдающую девушку. — Не надо, умоляю, замолчи... Я буду с тобой. Всегда буду рядом, слышишь?

Лу Чжаньбай медленно поднялся с пола. Вид обнимающейся пары полоснул его по сердцу ножом.

Перед ним стояли два самых близких человека: родная сестра, в чьих венах текла та же кровь, и тот, кого он отчаянно любил и не желал отпускать, как бы ни сопротивлялся разум.

«Что мне делать? Как быть?»

Сестра была права. Всю боль его утрат она поделила с ним, но радости, что досталась ему, она никогда не знала. Каково это — расти без капли семейного тепла, брошенной на произвол судьбы в чужой стране на целых десять лет?

«Да, во всем виноват я. Только я».

Он действительно был ничтожеством, разрушившим не только свою жизнь, но и чужие.

«Если бы тогда выжил мой старший брат Чжаньсун... Как бы всё сложилось? Он наверняка вырос бы добрым. Он простил бы отца и полюбил сестру. Это я лишний на этом празднике жизни. Мне не место на этой земле!»

Но что теперь? Смириться? Простить их и благословить?

«Тогда почему так невыносимо больно? Почему грудь сдавливает так, что невозможно дышать? Что мне делать? Спокойно смотреть, как они обретают счастье, пока я гнию заживо? Или просто свести счеты с жизнью? Нет, ни за что! Я не вернусь в ту беспросветную тьму! И умирать я не хочу!»

Всё из-за него. Всё из-за Ли Шэнъяня! Это ведь он когда-то сказал ему: «Кому не хочется жить по-человечески?» Это он подарил ему надежду, вернул волю к жизни и смысл бороться! А теперь он хладнокровно бросает его, обнимает его сестру и строит с ней уютное гнездышко! Оставляет его одного — брошенного, преданного всеми.

«Я не прощу их. Никогда не уступлю!»

«Если кому-то и суждено быть счастливым, то только мне! А если нет — я сотру всё в пыль. Уничтожу их вместе с собой! Мы сгорим в одном адском пламени, а там, в преисподней, начнем всё сначала и посмотрим, кто победит!»

— Послушай меня и убирайся отсюда! — ледяным тоном обратился Чжаньбай к сестре. — У вас еще ничего толком не началось, сейчас разойтись проще всего! Я никогда не позволю тебе быть с тем, кто грел мою постель! Не хочешь в Англию — поезжай в Пекин. С этого дня мне плевать, с кем ты будешь путаться, я слова не скажу. Но к Ли Шэнъяню ты не прикоснешься! Даже если когда-нибудь он мне надоест, и я вышвырну его вон или пристрелю — вам вместе не быть! Это моё последнее предупреждение. Если слушаешься, я прикончу его у тебя на глазах. Но тебя оставлю жить — чтобы ты до конца дней захлебывалась этой болью вместе со мной!

— Я не уеду, — покачала головой Чжаньлань. Голос её звучал на удивление ровно и спокойно. — И шагу отсюда не сделаю. Я останусь с ним. Пусть дед откажется от меня, пусть отец лишит наследства, пусть ты сам вонзишь мне нож в сердце — мне всё равно. Моя жизнь принадлежит Шэнъяню. Если ты убьешь его, я тут же последую за ним, ни секунды не колеблясь! Я ничего в этой жизни не получала, но раз уж я пришла в этот мир, я заберу то, что причитается мне. Я люблю его, а он любит меня! Он — единственное, что мне по-настоящему нужно. Я больше не та незащищенная девочка, я выросла. И Шэнъяня я не отдам. Даже если придется драться зубами и когтями, он останется со мной!

С этими словами она обхватила Ли Шэнъяня руками с такой силой, словно пыталась намертво привязать его к себе, не позволяя никому отнять.

— Отлично! — выплюнул напоследок Чжаньбай, разворачиваясь к выходу. — Тогда устроим войну длиною в жизнь. И посмотрим, кому из нас двоих он достанется!